

Панель 4

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Вопросы для обсуждения:

1. Этнонациональные конфликты в современной России.
2. Русские, самосознание, национализм, положение за пределами России.
3. Перспективы этнополитических отношений в России.

Э.Паин,
кандидат исторических наук, Президентский совет

Сепаратизм и федерализм в современной России

После распада СССР вопрос о том, повторит ли Россия путь Советского Союза, стал едва ли не риторическим. Мрачные сценарии дезинтеграции Российской Федерации, сопровождающейся этническими и региональными конфликтами, в изобилии стали появляться на страницах как массовых газет и журналов, так и научных изданий. Некоторые из таких прогнозов не имеют ничего общего с научным анализом и используются коммунистической оппозицией для запугивания россиян бедами, вызванными правлением "антинародной", "продажной", "мафиозной клики Ельцина". Однако большинство прогнозов дезинтеграции России основаны на учете реальных опасностей для судьбы Федерации дальнейшего развития кризисных процессов в экономике и социально-политической жизни России начала 90-х годов.

Чего хотят регионы? Российская Федерация (РФ), охватывавшая к моменту провозглашения своего государственного суверенитета (1991 г.) 3/4 территории СССР и 2/3 его населения, была таким же унитарным государством, как и весь Советский Союз. Огромная Россия управлялась из одного центра, при этом Москва мелочно контролировала каждый шаг региональных властей. Средства, заработанные наиболее развитыми областями Центрального региона, Урала и Поволжья, а также сверхдоходы нефтедобывающей Тюменской области, расположенной в Западной Сибири, уходили в союзную казну, и назад в регионы возвращалась только малая часть, величина которой не имела связи с результатами производственной деятельности региона. Реально крупнейшими получателями государствен-

ных субсидий были парадные витрины социализма — столичные города Москва и Ленинград.

Неэффективность такого управления проявилась задолго до горбачевской перестройки, а после распада Союза она превратилась в анахронизм. Старые экономические связи между территориями разрушились, централизованная система управления ослабла, вся сфера хозяйственной деятельности фактически сосредоточилась в руках местных властей, хотя юридически они по-прежнему были лишены властных полномочий. Центральная власть еще способна была собирать налоги с территории, но все меньше могла помогать им. Нарастало недовольство регионов.

Первоначально требования регионов к федеральной власти носили форму конструктивных местных инициатив. Так, в начале 1991 г. свыше 150 российских административных единиц (областей, административных районов и даже отдельных городов) обратились к федеральным властям с просьбой об образовании на их территории так называемых "свободных экономических зон". Местные власти полагали, что за счет создания в таких зонах льготных условий налогообложения они смогут стимулировать приток инвестиций на данную территорию.

Затея эта быстро провалилась, поскольку лишь небольшая часть городов и регионов объективно могла быть привлекательна для инвесторов, но "зонная лихорадка" показала, что регионы ищут и будут искать различные формы обретения экономической самостоятельности.

Федеральная власть должна была как-то отреагировать на эти процессы, и в октябре 1993 г. президент Ельцин выступил с заявлением о необходимости пересмотра концепции осуществления экономической реформы и переноса центра тяжести экономических преобразований в регионы России. В это время была увеличена доля региональных бюджетов в консолидированном бюджете РФ (с 28 % в 1992 г. до 40% в 1993 г.) и несколько расширены права всех регионов во внешнеэкономической деятельности. Однако эти половинчатые и непоследовательные меры несколько не охладили недовольство регионов федеральной властью. Да они и не могли это сделать хотя бы потому, что разные регионы и от властей хотели разного. Богатые сырьевые регионы (в основном связанные с добычей нефти, газа, цветных металлов) добивались большей самостоятельности, особенно во внешнеэкономической деятельности, тогда как бедные аграрные — большего протекционизма: повышения государственных закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, льготных кредитов на приобретение химических удобрений, сельхозтехники и на оплату энергоносителей, ограничений импорта. Интересы разных регионов стали представлять различные партии. Защиту индустриальных регионов взял на себя "Гражданский союз", аграрных — аграрная фракция Верховного Совета РФ, а с 1993 г. — Аграрная партия.

Как бы ни обострялись противоречия между "богатыми" и "бедными", аграрными и индустриальными регионами, они не шли ни в какое сравнение с нарастающим противоборством между национально-территориальными образованиями (автономными республиками, автономными областями и округами) и территориально-административными (краями и областями).

Конфликт национальных автономий и российских регионов во многом явился следствием централизованной системы управления. При социализме существовал принцип перераспределения национального дохода в пользу наиболее отсталых национальных регионов, которые получали дотации на развитие производства и социальной сферы. Однако все эти льготы погашались неэффективной экономикой, поэтому жители автономий реально не имели каких-либо преимуществ по сравнению с российскими регионами, зато в российских регионах нарастало ощущение обездоленности. Кроме того, так называемая помощь союзного государства национальным автономиям во многом носила лицемерный характер, прикрывая, например, насильственную русификацию национальных окраин России. Так, за исключением Северного Кавказа, только в двух республиках — Якутии и Татарии — существовали средние школы с преподаванием на национальных языках, постоянно сокращалось количество и тираж периодических изданий и книг на родном языке. В период социалистической индустриализации быстро растущие города пополнялись в основном переселенцами из русских областей, в результате города национальных регионов стали преимущественно русскими, доля коренного населения в них в два—четыре раза ниже, чем в сельской местности.

Потенциальный конфликт между автономиями и русскими регионами закладывался также сталинской Конституцией 1936 г. Она соединила два противоположных принципа государственного устройства — этнический и территориальный, разделивший народы на "титულные нации", давшие название соответствующим национально-государственным образованиям, и "нетитулные", не имеющие своих особых территорий. А, главное, Конституция предоставила неравные права различным типам регионов, следовательно, и проживающему в них населению. Так, национальные автономии республиканского уровня имели свои конституции, свой парламент и даже право свободного выхода из Федерации, тогда как края и области не обладали ни одним из этих прав. Вся эта немислимо сложная и противоречивая конструкция, построенная на иерархии регионов, как национальных, так и территориальных, не могла бы просуществовать 70 лет, если бы не была заведомо декларативной. Вне зависимости от того, как назывался регион — республикой или областью, — управлялся он руководителем местного отделения коммунистической партии, напрямую подчиненным Москве. Автономные республики не имели ни малейшей самостоятельности точно так же, как и края, и области. Однако, когда коммунистический режим

рухнул, республики "вспомнили" о своих правах и попытались наполнить декларативные нормы сталинско-брежневской Конституции реальным содержанием.

В 1990—1992 гг. все республики приняли декларации о суверенитете. Первыми это сделали еще в горбачевское время "пионеры" борьбы за суверенитет — Татарстан, Якутия и Чечено-Ингушетия.

Так, Конституция Татарстана (РТ) определяет республику как "суверенное государство, субъект международного права". В отношениях с федеральной властью Татарстан настаивает на установлении "конституционно-договорных отношений" с Россией и придании РТ статуса ассоциированного члена РФ, что создает прецедент для выхода из единого политического пространства. О серьезности намерений Татарстана обрести полную независимость свидетельствуют и принятые им конституционные законы: "Закон о недрах", отнесший всю государственную собственность на территории Татарстана, его недра с их содержимым к исключительной собственности республики, и постановление "О воинской обязанности и воинской службе граждан РТ", в соответствии с которым граждане республики обязаны проходить военную службу только в границах Татарстана.

Российские власти, помня уроки не слишком удачной национальной политики Горбачева, поначалу крайне лояльно отнеслись к принятию республиками деклараций о суверенитете. Федеральный центр не препятствовал и изменению статуса национальных регионов, созданию в некоторых из них института президентства. Повышению реального политического веса национальных регионов способствовало создание Совета глав республик под председательством Ельцина, на котором решались важнейшие вопросы федеральной политики.

Нужно отметить, что подобная лояльность дала свои положительные результаты — Российская Федерация оказалась едва ли не единственным многонациональным государством, сумевшим избежать на своей территории кровавых этнических конфликтов. Однако после того, как российские республики продемонстрировали "парад суверенитетов", у краев и областей тоже возникло непреодолимое желание повысить свой статус. Вначале Вологодская и Свердловская области, а затем и ряд других русских регионов объявили о своем намерении провозгласить себя республиками. В октябре 1993 г. Свердловская область осуществила свою угрозу и приняла Конституцию Уральской республики.

На мой взгляд, концепция этой республики никакой опасности для России не представляла. Основы государственного строя закрепляли на ее территории суверенитет России. Уральская республика не имела права выхода из России, не предполагала иметь армию, свою денежную единицу, да и вообще какие-либо признаки суверенного государства. Конституция Уральской "республики" отличается от конституций национальных республик в составе России тем, что безоговорочно признает верховенство российского права и федеральной

государственной власти на своей территории. Да и тот факт, что высшее должностное лицо в этой "республике" именуется не президентом, а губернатором, свидетельствует о полной совместимости уральского новообразования с концепцией единого федеративного государства. Самое же главное, что население области, т.е. республики, было абсолютно равнодушно к возне, затеянной местными властями. Людей можно было настроить в пользу республики, разве лишь начав против нее репрессии. Тогда из простого чувства протеста уральцы могли консолидироваться вокруг идеи местной республики.

Куда более реальна угроза дезинтеграции России вследствие роста политических appetитов руководителей национальных республик в составе Федерации, именно они имеют возможность "привлечь на свою сторону большие массы людей, разыгрывая национальную карту" в политической борьбе. При этом возможны два варианта негативного развития событий.

Первый вариант — существующая в ряде республик коммуно-советская элита запугивает общественность республики растущей "диктатурой" Москвы, взвинчивая при этом национальные чувства, а чем заканчивается политическая борьба, замешанная на национализме и сепаратизме, хорошо известно на примере Карабаха, Южной Осетии и Абхазии.

Второй вариант — радикальная националистическая оппозиция использует те же "антиимперские" настроения для того, чтобы прийти к власти. Примерно так было в Чечне после провала августовского путча, когда группа Дудаева свергла председателя ВС Чечено-Ингушской республики. Теперь мы знаем, что прежний коммунистический лидер Завгаев был куда меньшим националистом и сепаратистом, чем декларирующий антикоммунистические взгляды нынешний президент Чеченской республики.

Итак, у российских регионов, как национальных, так и территориальных, накопилось немало объективных причин для недовольства жестко централизованной системой государственного управления. Постоянно усиливались и требования расширения административной и экономической самостоятельности регионов. Вместе с тем в русских краях и областях эти требования, во-первых, не выходили за рамки сугубо экономических, во-вторых, были направлены на превращение унитарного государства в подлинно федеративное. К иным политическим требованиям привело накопление недовольства унитарным государством в национальных автономиях: здесь экономическая и административная самостоятельность рассматривалась местной политической элитой всего лишь как переходная ступень к полной независимости — к выходу из федерации. Можно сказать, что в русских краях и областях развивалась идея федерализма, тогда как в национальных автономиях формировался сепаратизм. На волне обоих течений складывалась и региональная элита, которой суждено было сыграть важную роль во внутрироссийской политической борьбе.

Региональные лидеры оказались "третьей силой" в войне центральных властей. Речь идет об углублении противоборства двух ветвей федеральной власти — законодательной (Съезд народных депутатов и Верховный Совет) и исполнительной (президент и Совет министров). Это противоборство, весьма характерное для большинства новых независимых государств на территории бывшего СССР, достигло в Российской Федерации своего апогея, когда на состоявшемся в марте 1993 г. IX Съезде народных депутатов была предпринята попытка отстранения президента Ельцина от власти. Попытка не удалась, однако она продемонстрировала невозможность достижения компромисса между противоборствующими политическими силами, а, следовательно, обозначила перспективу дальнейшего кризиса федеральной власти в России.

Каждая из сторон нуждалась в союзниках, поэтому началось "перетягивание каната" с целью привлечения в свой лагерь региональных властей. Спикер Верховного Совета Руслан Хасбулатов сделал ставку на русские регионы. Во время своих поездок по русским областям он неоднократно заявлял о необходимости повышения их статуса. Политика президента Бориса Ельцина была ориентирована на более тесные контакты с лидерами автономий, которых он регулярно собирал перед каждым "решительным боем", будь то очередной съезд или референдум. Разумеется, и речи не может быть о том, что президент испытывал к республикам некие более теплые чувства, чем к краям и областям. Он лишь полагал, что в русских территориальных образованиях главы исполнительной власти, которых назначает президент (в обыденной речи их иногда называют губернаторами), во всех случаях будут ему верны, поэтому основные усилия следует сосредоточить на привлечении на свою сторону наиболее независимых политических актеров — лидеров национальных автономий.

Таким образом, региональные руководители оказались той "третьей силой", которая получала наибольшую выгоду от борьбы двух ветвей федеральной власти, поскольку каждая из них старалась расположить к себе региональную элиту. Тактика последней состояла в том, чтобы не дать усилиться какой-либо стороне этого конфликта и как можно дольше затянуть кризис федеральной власти.

И все же до апрельского (1993 г.) референдума перевес в борьбе за регионы был на стороне представительной власти. Подавляющее большинство региональных Советов поддерживали Верховный Совет, к ним присоединилась и некоторая часть глав исполнительной власти регионов — по положению их назначение или снятие утверждалось Советом, и они были защищены от "кары" президента. Кроме того, чтобы избавиться от про-ельцински настроенных губернаторов, попавших в это кресло после ликвидации путча 1991 г., в ряде областей южной и центральной России по решению местных Советов были проведены новые выборы глав исполнительной власти. Ими стали представители старой партноменклатуры, позиции которой

традиционно сильны среди консервативно настроенного населения аграрных областей России.

Конфликт в высшем эшелоне власти таил в себе многочисленные угрозы для целостности России. Назову лишь две из них: во-первых, опасность расползания "конфликта властей" вширь, т.е. усиление противостояния между представительной и исполнительной властями в республиках, краях и областях Российской Федерации; во-вторых, опасность активизации игры на противоречиях между президентом и парламентом со стороны сепаратистских сил в субъектах федерации, получающих от каждой из ветвей власти все новые политические привилегии.

Угроза этого стала особенно реальной в условиях проведения так называемой "поэтапной конституционной реформы". Суть ее в том, что в силу невозможности получить утверждение своего варианта Конституции на Съезде Ельцин надеялся легитимировать его на основе ратификации основного закона России руководителями субъектов федерации. Однако региональная политическая элита, особенно руководители национальных автономий, попытались использовать эту заинтересованность президента в своих целях. Трудно было даже придумать для них лучшую ситуацию, чем та, когда в них нуждались и президент, и парламент. Понимая свою значимость, руководители бывших российских автономий стали запрашивать все большую цену за свою благосклонность к различным вариантам новой Конституции, при этом все яснее становилось, что они не заинтересованы ни в одном из них. Еще в декабре 1992 г. главы республик решительно отвергли парламентский вариант, а в мае 1993 г. выдвинули целый ряд возражений против президентского. В числе основных были следующие замечания: 1. Право на самоопределение наций не нашло отражения в этом проекте. 2. Текст основной части не во всем соответствует принципам Федеративного договора. 3. Недостатком проекта является резкое изменение баланса властей: утверждение президента России в качестве высшего носителя государственной власти. 4. Неприемлем для республик и принцип абсолютного верховенства федеральной Конституции и законов, по сравнению с законами республик в составе России.

Однако главным поводом для нападков на президентский проект стали так называемые "неконституционные принципы" его принятия. Разумеется, региональные лидеры вовсе не являются большими, чем российский президент ревнителями законности, просто они нащупали наиболее уязвимое место в предложенной Ельциным схеме конституционной реформы — отсутствие легитимных способов ее принятия в случае политического саботажа депутатского корпуса.

Еще 12 мая в "Независимой газете" было опубликовано письмо глав 11 республик, в котором содержался протест по поводу предлагаемой президентом процедуры принятия Конституции РФ, минуя Съезд народных депутатов. А 27 мая та же газета опубликовала письмо от 25 мая за подписью 16 руководителей республик (не подписали его толь-

ко руководители Татарстана, Удмуртии, Чувашии и Карачаево-Черкесской республики). Письмо публиковалось под броской шапкой: "Главы республик предъявили конституционный ультиматум президенту". Ультиматум состоял в требовании в месячный срок принять закон о процедуре подготовки, обсуждения и принятия новой Конституции.

Накануне начала работы Конституционного совещания (в мае 1993 г.) Ельцин во что бы то ни стало хотел заручиться поддержкой региональных лидеров. Именно на этом совещании предполагалось ратифицировать новую Конституцию и тем самым вынудить депутатский корпус России пойти на досрочные парламентские выборы. Для этого Ельцин готов был пойти на серьезные уступки наиболее строптивой категории региональной элиты — лидерам национальных автономий.

Пользуясь слабостью федеральной власти, четыре республики — Чечня, Татарстан, Башкортостан и Якутия — фактически прекратили выплату федеральных налогов. В итоге, основная тяжесть уплаты федеральных налогов легла на плечи наиболее развитых русских регионов. За 1992 г. разница между суммой федеральных налогов и поступлением средств из федерального бюджета в расчете на одного жителя Москвы, Самарской, Нижегородской и других областей Центральной России, Поволжья и Урала составила 15—25 тыс. руб., а в крупнейшем нефтегазодобывающем регионе — Тюменской области — 60 тыс. руб. Эти суммы более чем вдвое превышали среднюю месячную заработную плату жителей регионов-"доноров".

Показательным примером вопиющего экономического неравенства могут служить два субъекта Федерации, расположенные в одной географической зоне — на Дальнем Востоке: Приморский край и республика Якутия. Сумма поступлений в местный бюджет в расчете на одного жителя различалась в них в шесть раз, причем в худшем положении оказались жители русского региона, который исправно перечислял налоги в федеральную казну, а не жители дотируемой из Центра республики.

Президент Якутии Михаил Николаев, известный своей проельцинской ориентацией, добился разрешения оставлять в распоряжении республики 25% добываемых в ней алмазов, а также значительного увеличения доли республики в доходах от продажи добываемого на ее территории золота.

Однако, если экономические льготы республики получали незаконно, как бы выпрашивая их у правительства, то их политические привилегии могли получить закрепление в новой Конституции РФ.

В одном из первых вариантов президентского проекта Конституции предусматривались беспрецедентные политические льготы национальным образованиям: в верхней палате будущего парламента им предоставлялось такое же количество мест, как и вдвое большему числу российских краев и областей.

26 мая на совещании глав республик президент одобрил заявление, в котором отмечалось, что помимо федеративного договора, отно-

шения республик с федеральной властью могут регулироваться двухсторонними договорами, а для республик, не подписавших Федеративный договор (Татарстан, Башкортостан и Чечня), допускается возможность регулирования отношений с Москвой только на основе двухсторонних договоров, т.е. так же, как и с иностранными государствами.

Наконец, в июне на Конституционном совещании президент согласился с предложенной главами республик формулировкой 5-й статьи Конституции: "Республика — суверенное государство в составе Российской Федерации". Подобная формулировка сразу была использована политическими противниками президента как повод для обвинений в том, что, стремясь "протащить" свой проект Конституции, он готов жертвовать целостностью России. Главная же опасность подобных формулировок состоит в том, что использование понятия "суверенное государство" без пояснений того, что скрывается за этой формулировкой, открывало простор для произвольных трактовок полномочий республик и для возникновения острейших конфликтов между республиками и Москвой, а также провоцировало рост сепаратизма в русских регионах.

В свое время Михаил Горбачев пытался остановить процесс распада СССР, идя на уступки республикам, однако уступки Центра приводили лишь к эскалации требований со стороны республиканских политических элит. Руководство России во многом повторило ошибки союзного правительства, но, к счастью россиян, новые политические условия, с одной стороны, смягчили негативные последствия допущенных ошибок, с другой — позволили российским лидерам вовремя их исправить.

После того как Конституционное совещание, на которое исполнительная власть возлагала столько надежд, не выполнило своей задачи и не дало президенту Ельцину возможности покончить с двоевластием с помощью субъектов Федерации, президент сместил акценты в своих отношениях с региональными элитами. Эти перемены проявились в следующем: во-первых, президент перестал делать ставку преимущественно на лидеров республик — возросшее влияние русских территорий стало очевидным; во-вторых, не добившись результатов в поиске легитимных путей выхода из ситуации двоевластия и конституционного кризиса, президент Ельцин предпринял силовые шаги, объявив о роспуске Верховного Совета и назначении новых парламентских выборов.

Подписанный им 21 сентября 1993 г. указ вызвал новый всплеск противостояния представительной и исполнительной властей в русских регионах. Большинство местных Советов приняло решение о неконституционности действий президента и о приостановке исполнения указа на своей территории. Особенно негативной была реакция властей в республиках. Единственным лидером, поддержавшим Ельцина, стал президент Якутии Михаил Николаев.

Следует отметить, что в критических условиях, сложившихся накануне октябрьского мятежа, "третья сила" самоорганизовалась

удивительно быстро: по инициативе председателя Конституционного суда Валерия Зорькина и президента Калмыкии Кирсана Илюмжинова был создан Совет субъектов Федерации. Решение этого Совета одновременно отменить президентский указ и последующие решения непокорившегося съезда о лишении Ельцина президентских полномочий, возвращении к состоянию дел до выхода указа было крайне выгодно парламентской стороне и абсолютно неприемлемо для президента. Мотивируя свои действия стремлением избежать кровопролития, "третья сила" объективно способствовала решению парламента бороться до конца и в какой-то мере провоцировала его на вооруженные действия.

Как известно, августовский путч 1991 г. ускорил распад СССР. Не приведет ли к аналогичным последствиям в Российской Федерации октябрьский мятеж? Грозит ли России судьба СССР?

Итак, политические процессы в России во многом напоминают те, что происходили в СССР накануне его распада. Вместе с тем нельзя не заметить и те особенности политического развития России, которые отличают ее от СССР и определяют собой большую вероятность сохранения территориальной целостности нового государства, отметившего 12 июня 1993 г. третью годовщину своей независимости. Начать с того, что против власти бывшего Союзного Центра выступали единым фронтом все республики бывшего СССР. Совершенно иная ситуация сложилась в России. Здесь края и области выражают *все* большее недовольство политическими привилегиями, которые имеют национальные образования. Кроме того, после распада СССР они уже успели ощутить те огромные трудности, которые возникают вследствие разрыва традиционных экономических связей, установления таможенных и политических барьеров, резкого увеличения транспортных тарифов при переезде из одного "независимого" государства в другое.

Некоторые проблемы, связанные с растущим сепаратизмом национальных автономий, проявились и в Российской Федерации. Так, некоторые из них — Калмыкия, Дагестан, Чеченская республика — стали предъявлять территориальные претензии соседним российским областям. К вооруженному столкновению (правда, быстро локализованному) привели территориальные споры между Северо-Осетинской и Ингушской республиками. Поэтому руководители русских краев и областей выступают за равенство всех субъектов Федерации и за сохранение ее территориальной целостности. На Конституционном совещании они дали настоящий бой республикам. Так, именно представители русских регионов буквально вынудили лидеров республик согласиться на включение в текст Конституции положения о равенстве всех субъектов Федерации. Края и области добились и того, что целым рядом статей окончательного текста Конституции фактически запрещается сецессия государства.

Натиск лидеров русских регионов оказался куда более эффективным, чем если бы аналогичную попытку предприняли феде-

ральные власти. Впрочем, и у федеральной власти достаточно экономических рычагов для того, чтобы оказать эффективное воздействие на антиреформаторские, сепаратистские силы в составе региональной элиты. В ее руках весь железнодорожный и воздушный транспорт, трубопроводы, энергосистемы, не говоря уже о силах охраны порядка. Например, в случае отказа республики выплачивать налоги может быть наложен арест на все ее счета в банках на территории РФ, запрет на вывоз товаров за рубеж и т.д.

Москва не использовала эти рычаги во многом потому, что этому препятствовало двоевластие. Если бы одна из ветвей власти решилась на применение экономических санкций, например против неплательщиков налогов, то другая немедленно пресекла бы их исполнение, пытаясь одновременно нажать на этом политический капитал и привлечь на свою сторону новых союзников.

После подавления мятежа ситуация радикально изменилась, не случайно все республиканские органы власти, признавшие неконституционным Указ президента России о роспуске Верховного Совета РФ и досрочных выборах, отменили эти свои решения сразу же после провала путча. Если накануне апрельского референдума обозреватели гадали, разрешат или не разрешат республики его проведение на своей территории, то в отношении декабрьского референдума и досрочных парламентских выборов таких вопросов даже не возникало — всем было очевидно, что республики не осмелятся сделать столь грубый выпад против федеральной власти. И дело здесь не только и не столько в страхе, сколько в кардинальных изменениях политической ситуации в России.

Еще год назад заявить о выходе из России считалось чуть ли не доблестью. Сегодня даже Татарстан, самая богатая республика, дальше других продвинувшаяся по пути суверенизации, устами своего президента Минтимера Шаймиева заявляет, что она не только не стремится к выходу из Федерации, но и ставит своей целью сохранение ее целостности. Разумеется, есть разница между декларациями и реальными действиями, но в данном случае важны именно декларации. Сам факт, что они публично произносятся, свидетельствует о непопулярности идеи развала Российского государства.

Лишь Чеченская республика еще в 1991 г. фактически вышла из состава Российской Федерации. Но ее примеру вряд ли захотят последовать другие республики России. Сегодня Чечня буквально надывается под бременем своей независимости. Национальной консолидации чеченскому обществу хватило ненадолго. Как только исчез страх перед внешним врагом — Россией, тут же стали проявляться и усиливаться противоречия между различными регионально-клановыми и этническими общностями внутри республики. Дошло до того, что три района Чечни сегодня отказываются подчиняться чеченскому руководству. В других национальных автономиях в случае их выхода из России могут возникнуть еще большие внутренние противоречия. Например, в Кабардино-Бал-

карии существуют непримиримые территориальные споры между двумя народами — кабардинцами и балкарцами, а в Дагестане территориальные претензии предъявляют друг другу целая дюжина народов. И нужно сказать, что большинство руководителей национальных республик в составе России достаточно хорошо осознают опасность усиления внутренних противоречий в случае выхода их автономий из состава Федерации.

Российская Федерация, в отличие от СССР, в целом достаточно однородна в этническом отношении: 82,6% ее населения составляют русские, они же численно преобладают и в большинстве автономий. Лишь в шести из них народ, давший название республике, численно преобладает над русскими. Четыре таких республики на Северном Кавказе (Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария и Северная Осетия), одна в Поволжье (Чувашия) и одна в Сибири (Тува), и если есть некоторая вероятность отделения от России каких-то республик, то прежде всего именно этих. Правда, из числа потенциальных претендентов на выход следует сразу же исключить Северную Осетию, как единственную христианскую автономию на мусульманском Северном Кавказе. Эта республика в сложившейся ситуации не захочет выйти из России.

По иным причинам из названного списка следует исключить и Чувашию. Сегодня здесь нет политических сил, которые бы заявляли о стремлении бороться за независимость этой республики. Но даже если бы в Чувашии такие силы и проявились, все равно вероятность выхода этой республики из Российской Федерации была бы очень незначительной. Чувашия относится к числу тех республик (а их в России большинство), которые не имеют самостоятельных внешних границ с иными государствами, следовательно, могут быть полностью блокированы Россией. Легче выйти из состава России тем республикам, которые находятся на ее окраине, а это значит, что Россия, в худшем случае, может лишь "обкрошиться" с краев, но не распасться на части.

Когда говорят, что преобладание русских в Российской Федерации служит фактором, укрепляющим целостность Российской Федерации, в качестве возражения приводят иногда примеры того, как русское население национальных республик не раз поддерживало процессы их автономизации. Что ж, действительно, сегодня республики находятся в относительно привилегированном экономическом положении, они, например, платят меньше налогов в федеральную казну и, обеспечивая за счет этого более высокий жизненный уровень на своей территории, формируют настроения в пользу большей автономизации. Любопытный факт: за сохранение еврейской автономной области, где почти не осталось евреев, выступает именно русское население. Но благополучные "автономные острова" в море нынешнего российского неблагополучия — явление временное, рано или поздно уровень жизни выровняется. Кроме того, поддержка русскими расширения региональной самостоятельности не означает

их поддержки сецессии: слишком зримо для них негативные последствия "ухода" из России.

Удерживает российские регионы от выхода из Федерации и угроза внешней экспансии. Например, в Сибири и на Дальнем Востоке растут опасения населения по поводу территориальных притязаний Китая и Японии. Жители этих регионов понимают, что защиту от внешней угрозы они могут получить только в составе единого сильного государства. И только оно же может дать защиту и во внешнеэкономической деятельности.

Еще год назад во многих публикациях распад России рассматривался как неизбежность и чуть ли не благо. Сейчас ничего этого нет. Прошло время, и опыт пролитой крови, а также миллионов беженцев подействовал отрезвляюще. Повлияли на изменение взглядов либеральной интеллигенции и другие перемены в политическом климате постсоветского общества. Когда большинство жителей Москвы и Ленинграда на референдуме 1991 г. проголосовали против сохранения Советского Союза, то, естественно, они выступали не против сохранения целостности страны, а против политического режима, который тогда в ней господствовал. Считалось, и не без оснований, что нельзя ликвидировать коммунизм, не разрушив империю. Сегодня ни у кого не возникает мысли, что, лишь развалив российскую государственность, мы сможем не опасаться реставрации коммунизма. Наоборот, сегодня все чаще коммунисты блокируются с националистами и сепаратистами всех мастей, и поэтому борьба за сохранение целостности России — это одновременно и борьба с национал-коммунизмом.